

ВАДИМ КОРНЕЕВ

ДРУГОГО-ТО НАРОДА НЕТ...

ТЯЖЁЛЫЙ РОК

Джин-тоник, шлягер на закуску —
на это молодёжь слаба...
И по Васильевскому спуску
гудит бездумная толпа.

“Да слышит, кто имеет уши...”
Здесь, на развалинах страны
и сам Блаженный скорбно слушал
концерты служек сатаны.

Противные людской природе,
а там — хоть веселись, хоть плачь...
И на высоком эшафоте
вовсю кривляется палач.

Он струны дёргает бездарно,
презрения исполнен к нам,
и децибелов гром угарный
по душам бьёт и по умам.

Видать, мы крепко нагрешили...
Вон — бомж стоит, себе не рад.
Вот и тебя казнить решили
тяжёлым роком, мой собрат!

КОРНЕЕВ Вадим Николаевич родился в 1948 году. Автор шести поэтических сборников, изданных в Курске, Воронеже и в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле”. Живёт в Курске.

А он стоит, оборван, грязен,
во всём презренье естества.
Не Пугачёв, не Стенька Разин —
Иван, не помнящий родства.

МОБИЛА

Прицельно и хищно народ вы губили,
цель ваша была далека:
“Корову продали, мобилу купили”, —
реклама на ГТРК.

И детские лица и наглые рыла,
те, рядом что и вдалеке, —
прилипла мобила, вонзилась мобила,
уже приросла ко щеке.

Я и в шестьдесят не имею мобилы,
пусть этим и быт усложнил.
И в била мы били, Берлин мы бомбили,
совсем не имея мобил.

Мы строили домны, турбины крутили,
умели мы петь и играть!
Россию продали, мобилу купили...
Чей номер теперь набирать?

РОДСТВО

О Украина — те недели
за совесть помню, не за страх...
Как мальвы гордо розовели
и в палисадах и в садах!

Какие наливались вишни,
какие дули да ранет,
казалось — освятил Всевышний
ту землю до предела лет.

А вечерами как ярились
баяны в каждом из дворов,
и песни дивные струились,
сливаясь в лучший из хоров.

Компот в кастрюле тешил жажду —
пей сколько хочешь — от души,
и юность билась в жилке каждой,
и как же были хороши

девчонки, стройные, как мальвы,
чисты, хоть воду пей с лица,
и жизнь кричала далям дальним:
нет и не будет мне конца!

А над левадами, домами
звенели песни райских птиц,
и не было вражды меж нами,
и чувствам не было границ.

И месяц — гоголевский, право —
струил над нами ясный свет...
Одна страна, одна держава!
Мне только восемнадцать лет.

* * *

Уже не носишь ты перчатки,
и солнышко стекает с крыш,
Пока листва ещё в зачатке,
пускает лодочку малыш.

Не лодочку, а просто щепку
увидю десять раз на дню...
И жизнь уже не держит цепко,
но тем сильнее её ценю.

А с речки тянет ледоходом —
студёной талою водой.
С кем я всю жизнь? С моим народом,
а потому — народ со мной.

Собой торгующий и пьяный,
аморфный столько гиблых лет...
Я и такому предан рьяно,
другого-то народа нет.

И жду, как из больницы друга, —
всему на свете свой черёд, —
что от тяжелого недуга
он выздоравливать начнёт.

Заговорит открыто, смело,
покажет волю наконец!
И будет Слово, будет Дело,
которое всему венец.